

Ханбалаева С.Н., Веденяпина Э.А.  
К проблеме «лишнего» человека в русской литературе XIX  
века  
Язык и текст langpsy.ru  
2017. Том 4. № 3. С. 67-73.  
doi: 10.17759/langt.2017040307

Khanbalaeva S.N., Vedenjapina E.A.,  
To the problem of the "superfluous" person  
in the Russian literature of the XIX century  
Language and Text langpsy.ru  
3, pp. 67-73.  
doi: 10.17759/langt.2017040307

## К проблеме «лишнего» человека в русской литературе XIX века

**Ханбалаева С.Н.,**

*доктор филологических наук, старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия, sabinamgimo@mail.ru*

**Веденяпина Э.А.,**

*кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Москва, Россия, lingvamier@mail.ru*

---

В статье рассматривается драма прекрасного человека, мечтателя, грезящего не о подвигах, не о славе, а тихой семейной жизни в окружении друзей на лоне русской природы. Этот человек – молодой дворянин, обладатель состояния, которое вполне позволяет ему осуществить его желания, но преградой встает его безволие, неспособность к труду в любом его виде вследствие воспитания в условиях крепостничества. Именно это делает его «лишним» человеком.

---

**Ключевые слова:** покой, диван, семья, барин, счастье.

---

### Для цитаты:

Ханбалаева С.Н., Веденяпина Э.А., К проблеме «лишнего» человека в русской литературе XIX века [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №3. URL: [http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n3/Khanbalaeva\\_Vedenjapina.shtml](http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n3/Khanbalaeva_Vedenjapina.shtml) (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040307

### For citation:

Khanbalaeva S.N., Vedenjapina E.A., To the problem of the "superfluous" person in the Russian literature of the XIX century [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 3. Available at: [http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n3/Khanbalaeva\\_Vedenjapina.shtml](http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n3/Khanbalaeva_Vedenjapina.shtml) (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040307

Образ Обломова в одноименном романе И.А. Гончарова замыкает галерею «лишних» человек, начало которой традиционно видели в Онегине, но со временем иногда стали включать в нее и Чацкого. Проблема «лишнего» человека в литературе XIX века в советском литературоведении трактовалась как драма незаурядного молодого русского дворянина, не нашедшего себе применения в условиях николаевской России (Николай I правил с 1825 по 1855 гг.). Образ Обломова развенчивает это объяснение.

Герой романа И.А. Гончарова «Обломов» по натуре – мечтатель, подобно Печорину, герою М.Ю. Лермонтова, в молодости. Любимая поза Обломова – лежать на диване. Чем он занят? «Его поглотила любимая мысль: он думал о маленькой колонии друзей, которые поселятся в деревеньках и фермах, в пятнадцати-двадцати верстах вокруг его деревни, как попеременно будут каждый день съезжаться друг к другу в гости, обедать, ужинать, танцевать, ему видятся все ясные дни, ясные лица. Без забот и морщин, смеющиеся, круглые, с ярким румянцем, с

двойным подбородком и неувядающим аппетитом, будет вечное лето, вечное веселье, сладкая еда да сладкая лень... [1; 79].

В центре его мечтаний – дворянская усадьба среди типичной русской природы. «Ему представилось, как он сидит в летний вечер на террасе за чайным столом под непроницаемым для солнца навесом деревьев, с длинной трубкой, и лениво втягивает в себя дым, задумчиво наслаждаясь открывающимся из-за деревьев видом, прохладой, тишиной, а вдали желтеют поля, солнце опускается за знакомый березняк и румянит гладкий, как зеркало, пруд, с полей восходит пар, становится прохладно, наступают сумерки, крестьяне толпами идут домой».

В центре его семьи – жена. «Праздная дворянка сидит у ворот, там слышатся веселые голоса, хохот, балалайка, девки играют в горелки, кругом его самого резвятся малютки, лезут к нему на колени, вешаются ему на шею, за самоваром сидит...царица всего окружающего, его божество...женина! Жена!» [1; 78]. Обломов очень остро переживает свои мечтания. «Лицо Обломова вдруг облилось румянцем счастья, мечта была так ярка, жива, поэтична, что он мгновенно повернулся лицом к подушке. Он вдруг почувствовал смутное желание любви, тихого счастья, вдруг зажаждал полей и холмов своей родины, своего дома, жены и детей.... Полежав ничком минут пять, он медленно опять повернулся на спину. Лицо его сияло кротким, трогательным чувством: он был счастлив» [1; 79].

Он лежит в петербургской квартире. С улицы то и дело доносятся крики продавцов угля или картошки, стук топоров и крики рабочих. «Когда же настанет райское, желанное житье! – думал он. – Лежать бы теперь на траве под деревом да глядеть сквозь ветки на солнышко и считать, сколько птичек пребывает на ветках» [1; 79]. Тихая семейная жизнь на лоне русской природы, которой так боится Печорин, – идеал Обломова. Он не беден, у него триста Захаров, а точнее – 350 душ (считались только лица мужского пола). Так почему бы не осуществить заветное и такое естественное и, на первый взгляд, вполне доступное желание? Ответом на этот вопрос является объемный роман Гончарова.

При мысли о свадьбе Обломов приходит в ужас. «Счастье, счастье! Как ты хрупко, как ненадежно! Покрывало венец, любовь, любовь! А деньги где? А жить чем? И тебя надо купить, любовь, чистое, законное благо» [1; 330].

Илье Ильичу трудно встать с дивана. Не потому, что он болен. Просто он привык лежать. Ему ведь не надо трудиться. А триста Захаров на что? Обломову вообще трудно двигаться, весь день быть на ногах и не прилечь соснуть, а тем более ехать куда-то. А главное – ему трудно составить план преобразования имения. Не потому, что он не образован. Он получил хорошее образование. «Вы проходили настоящие науки, – говорит ему канцелярский чиновник с пятью классами образования, которого Обломов призвал на помощь. «Послушайте, – доверчиво, почти шепотом, хотя беседа шла дома, говорил ему Обломов. – Я не знаю, что такое барщина, что такое сельский труд, что значит бедный мужик, что богатый, не знаю, что значит четверть ржи или овса, что она стоит, в каком месяце что сеют и жнут, когда и что продают, богат я или беден, буду я через год сыт или буду нищий – я ничего не знаю!» [1; 364]. Доверительный шепот означает, видимо, понимание Обломовым, что в таком признании есть что-то недостойное [4].

Так кто же он такой? У него есть ответ: «Я барин и делать ничего не умею» [1; 365]. Его знакомый Тарантьев говорит, что даже спать Обломову помогает слуга Захар. В Обломовку поехал улаживать дела Затертый, мастер по высасыванию денег из помещичьих имений, и скоро богатый помещик оказался на грани нищеты. Его любимая Ольга Ильинская поняла, что бесполезно ждать преображения от человека, которого она полюбила первой любовью, который кроток и честен, нежен, как голубь, у которого возвышенные чувства и тонкий поэтический вкус, но который лишен силы воли. Она говорит ему жесткие, но справедливые слова: «Я думала, что оживлю тебя – а ты уж давно умер» [1; 373]. Она рисует возможную

будущую жизнь с Обломовым: «Мы стали бы жить изо дня в день, ждать Рождества, потом масленицы, ездить в гости, танцевать и не думать ни о чем, ложились бы спать и благодарили Бога, что день скоро прошел, а утром просыпались бы с желанием, чтоб сегодня походило на завтра». Ольга строго спрашивает: «Разве это жизнь?» О себе она прямо заявляет: «Я зачахну, умру» [1; 374].

Сделать это признание ей было очень непросто. Она вопросительно, полными слез глазами взглянула на него. «Обломовщина!» – прошептал он [1; 376]. (Автор этого термина - Андрей Штольц).

В одну из ясных, сознательных минут своей жизни он сам вдруг ощутил ущербность своего бытия. «Ему грустно и больно стало за свою неразвитость, остановку в росте нравственных сил... В робкой душе его выработывалось мучительное сознание, что многие стороны его натуры не пробуждались совсем, другие были чуть-чуть тронуты, и ни одна не разработана до конца. А между тем он болезненно чувствовал, что в нем зарыто, как в могиле, какое-то хорошее, светлое начало, может быть, давно умершее, или лежит оно, как золото в недрах горы, и давно бы пора этому золоту стать ходячей монетой.

Но глубоко и тяжело завален клад дрянью, наносным сором. Как будто кто-то украл и закопал в собственной его душе принесенные ему в дар миром и жизнью сокровища. Что-то помешало ему ринуться на поприще жизни и лететь по нему на всех парусах ума и воли. Какой-то тайный враг наложил на него тяжелую руку в начале пути и далеко отбросил от прямого человеческого назначения. И уж не выбраться ему, кажется, из глуши и дичи на прямую тропинку. Лес кругом его и в душе его всё чаще и темнее, тропинка зарастает более и более, светлое сознание просыпается всё реже и только на мгновение будит спящие силы. Ум и воля давно парализованы и, кажется, безвозвратно» [1; 99].

Тайная исповедь доставляет ему жгучие муки. В надежде избавиться от них он спрашивает: кто виноват? «Он всеми силами старался свергнуть с себя бремя этих упреков, найти виновного вне себя и на него обратить жало их. Но на кого?» [1; 99-100]. По традиции только одно имя приходит ему в голову: это Захар. Во всем виноват слуга. Особенность русского барства была в том, что рабство было неотъемлемой чертой самого барства. Укорять в чем-либо раба означало метание стрелы в самого себя. Потому и нет в романе следующего вопроса: что делать? Ведь от Захара не убежишь. Без него Обломов и часа не может прожить. Никогда еще в русской литературе вопрос «кто виноват?» не был так близок к правильному ответу. Да, виною – крепостное право, обеспечивающее помещика трудом крестьян. Десятая глава первой части романа – окно в мир воспоминаний и чаяний – посвящена родительской семье и детству, которое затянулось на всю жизнь. В ней и содержится ответ на его вопрос [4].

Обломов вырос и сформировался в типичной дворянской усадьбе, расположенной недалеко от деревни. Вся забота обитателей дворянского гнезда заключалась в пище. «Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке. Какие телята утучнялись там к годовым праздникам! Какая птица воспитывалась! Сколько тонких соображений, сколько занятий и забот в ухаживанье за нею! Индейки и цыплята, назначаемые к именинам и другим торжественным дням, прикармливались орехами, гусей лишали моциона, заставляли висеть в мешке неподвижно за несколько дней до праздника, чтоб они заплыли жиром. Какие запасы были там варений, солений, печений! Какие меды, какие квасы варились, какие пироги пеклись в Обломовке! [1; 113]. «Главною заботою была кухня и обед. Об обеде совещались целым домом» [1; 113]. Послеобеденный сон охватывал всех, и дом был похож на сонное царство. По пробуждении все устремлялись за стол к чаю, и чай едва мог утолить жажду. Затем все помышления направлялись к ужину.

«Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользает от пытливого внимания ребенка, неизгладимо врезывается в душу картина домашнего быта, напивается мягкий ум живыми

примерами и бессознательно чертит программу своей жизни по жизни, его окружающей» [1; 112]. Его родители не ставили перед собой вопросов о смысле жизни. Они воспринимали ее такой как есть. Если у других людей в другом месте тело сгорало от внутреннего огня – от страстей, то обломовцы носили свои мягкие тела без морщин и недугов. «Они сносили труд как наказание, наложенное еще на праотцев наших, но любить не могли. Они никогда не смущали себя никакими туманными или нравственными вопросами: оттого всегда и цвели здоровьем и весельем, оттого там жили долго.... Оттого и говорят, что прежде был крепче народ» [1; 125]. Три главных акта жизни наблюдал Илюша: родины, свадьба и похороны. Каждый из них сопровождался сбором родни, церковным обрядом и пиром. Были и подразделения: крестины, именины, заговенья, разговенья и разные семейные праздники. И всё всегда по всем правилам [3].

Главная задача в воспитании ребенка – выходить его здоровеньким. А когда нянька уже не нужна – подыскивали невесту. И жизнь повторялась. В детстве Илюше как здоровому и резвому мальчику хотелось сделать что-нибудь самому, но это встречало резкое противодействие со стороны старших: «А Васька, а Ванька, а Захар на что?» [1; 144]. Потом он и сам нашел, что покойнее покрикивать: «Эй, Васька, Ванька, подай то, дай другое!» [1; 144]. Не совсем все же недорослем он рос – его возили на учебу к «немцу» Штольцу в соседнее село, в пансион. Но под любым предлогом уклонялись от этих поездок: здоровье не купишь! И всё же чему-то научился Илюша и поехал в Петербург. Получив высшее образование, он даже начинал служить там же – до первой оплошности, после которой вышел в отставку. Зачем служить? Разве не на что жить? Так неумение надевать чулки привело к неумению жить, по словам Андрея Штольца [5].

Праздность и сытость не могут не повлиять на нравственное состояние. Не случайно при воображаемой идиллической сцене семейной трапезы Обломов мысленно восклицает о той, которая возглавляет застолье: «Женщина! (сначала) и лишь потом: «Жена!» [1; 78]. Любимая картина счастливого покоя сопровождается образом женщины: «А тут тебе на траву то обед, то завтрак принесет какая-нибудь краснощекая прислужница с голыми, круглыми и мягкими локтями и с загорелой шеей, потупляет, плутовка, взгляд и улыбается...» [1; 70]. Или в другой сцене послеобеденного чая на траве в березовой роще, когда мимо господ идут мужики с поля с косами на плечах и толпа босоногих баб: «Одна из них, с загорелой шеей, с голыми локтями, с робко опущенными, но лукавыми глазами, чуть-чуть, для виду только, обороняется от барской ласки, а сама счастлива...тс! Жена чтоб не увидела, Боже сохрани!» [1; 182].

Эти же локти привлекли его внимание к вдове Пшеницыной – хозяйке его квартиры на Выборгской стороне. «Чиновница, а локти хоть бы графине какой-нибудь, еще с ямочками!» – подумал Обломов [1; 309]. В беседе с ней он видит «высокую, крепкую, как подушка дивана, никогда не волнующуюся грудь» [1; 301].

Пшеницына полюбила его как барина. «Он барин, он сияет и блещет! Притом он так добр: как мягко он ходит, делает движения, дотронется до руки – как бархат, а тронет, бывало, муж, как ударит!» [1; 309]. И он любит ее как барин. Для него в ней «воплощался идеал того необозримого, как океан, и ненарушимого покоя жизни, картина которого неизгладимо легла на его душу в детстве под отеческой кровлей» [1; 388]. «Как там отец его, дед, дети, внучата и гости сидели или лежали в ленивом покое, зная, что есть в доме вечно ходящее около них и промышляющее око и непокладные руки, которые обошьют, накормят, напоят, оденут и обуют и спать положат, а при смерти закроют им глаза, так и тут Обломов, сидя и не трогаясь с дивана, видел, что движется что-то живое и проворное в его пользу и что не взойдет завтра солнце, застелют небо вихри, понесется буйный ветер из концов в концы вселенной, а суп и жаркое явятся на столе, и белье его будет чисто и свежо, а паутина снята со стены, и он никогда не узнает, как это делается...» [1; 388]. Что касается Агафьи Матвеевны, то «о любви и в ум ему не приходило» [1; 88]. «Он охотно останавливал глаза на ее полной шее и круглых локтях», но

без нее ему не было скучно. «Он смотрел на нее с легким волнением, но глаза не блистали у него, не наполнялись слезами, не рвался дух на высоту, на подвиги. Ему только хотелось сесть на диван и не спускать глаз с ее локтей» [1; 391]. Поэтому нельзя назвать семьей их брачный союз, который и заключил-то Обломов, чтобы избежать оскорблений Тарантьева и шантажа брата Пшеницыной. После смерти Обломова его законная вдова не считает себя вправе пользоваться доходом с его имения, всё отдавая сыну Обломова, словно ее ребенок ей и не принадлежит. Он и воспитывается у Штольца. Не сумел помещик Обломов создать семью, хотя в ней видел весь смысл своего существования. А ведь на какой высокой ноте развивались его отношения с Ольгой Ильинской! Сколько энергии чувства было затрачено, сколько спето и выслушано, прочитано и обсуждено. Сколько мыслей высказано и выслушано.

Приверженность высоким идеалам высказывает Обломов в беседе с единственным другом, другом детства Андреем Штольцем. «Не нравится мне эта ваша петербургская жизнь! Вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек, особенности жадности, перебивания друг у друга, сплетни, пересуды, щелчки друг другу, это оглядыванье с головы до ног, послушаешь, о чем говорят, так голова закружится, одуреешь. Скука, скука, скука! Где же тут человек? Где его целостность? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь?» [1; 176]. Обломов знает, что Андрей укоряет его привычкой дневного сна, и парирует удар: «всё это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества! Что водит их в жизни? Вот они не лежат, а спуют, как мухи, взад и вперед, а что толку?... смирно и глубокомысленно сидят – за картами. Нечего сказать, славная задача жизни! отличный пример для ищущего движения ума! Разве это не мертвецы? Разве не спят они всю жизнь, сидя?» [1; 176]. Он винит молодежь в пустой перетасовке дней, в том, что если «сойдутся, то перепьются и подерутся, точно дикие» [1; 177]. Привычные застолья не сопровождаются ни весельем, ни радушием. «Ни искреннего смеха, ни проблеска симпатии!» [1; 177]. Одни пересуды и борьба самолюбий. «Что ж это за жизнь? Я не хочу ее» [1; 177]. Он делает справедливый вывод: «дела-то своего нет, они и разбросались на все стороны, не направились ни на что. Под этой всеобъемлемостью кроется пустота, отсутствие симпатий ко всему! А избрать скромную, трудовую тропинку и идти по ней, прорывать глубокую колею – это скучно и незаметно» [1; 178].

Правоту этих рассуждений Штольц и не опровергает. Он ведь и сам высоко ценит чистоту намерений своего друга и «часто, отрываясь от дел или из светской толпы, с вечера, с бала ехал посидеть на широком диване Обломова и в ленивой беседе отвести и успокоить встревоженную или усталую душу, и всегда испытывал то успокоительное чувство, какое испытывает человек, приходя из великолепных зал под собственный скромный кров или возвратясь от красот южной природы в березовую рощу, где гулял еще ребенком» [1; 168]. Не случайно именно с Обломовым познала первое чувство любви незаурядная Ольга, не говоря уже об Агафье, которая только с Обломовым и прожила несколько лет подлинной жизни.

Обломов укоряет современных ему писателей в самолюбии и требует человечности в изображении и вора, и падшей женщины [2]. Он говорит журналисту: «Вы думаете, для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, но не глумитесь... Человека, человека давайте мне! Любите его...» Он требует помнить, что в любом «негодном сосуде присутствовало высшее начало»: «А как вы извергнете его из круга человечества, из лона природы, из милосердия Божия?» [1; 30].

Но и он не избег роли искусителя, и не только с Агафьей, спрашивая ее, что если он ее поцелует, но и с Ольгой. Она даже рискнула приехать к нему, холостому мужчине, на квартиру после его долгого отсутствия, опасаясь за его здоровье. Этого поступка Обломов испугался больше Ольги – таков был риск для ее репутации. Больше того – общаясь с ней в атмосфере высокого накала страсти, «охмеляющего счастья» [1; 289], однажды он сказал Ольге: «Иногда любовь не ждет, не рассчитывает... Женщина вся в огне, в трепете, испытывает разом муку и

такие радости, каких»... [1; 290] и не договаривает. Но продолжает: «Женщина жертвует всем: спокойствием, молвой, уважением и находит награду в любви... она ей заменяет всё... Да, то ужасный путь, и много надо любви, чтоб женщине пойти по нем вслед за мужчиной, гибнуть и всё любить» [1; 290]. Далее он рисует разные формы проявления пренебрежения такой женщиной в свете. Ольга отказалась идти этим путем. Она обосновала это тем, что на том пути обычно любящие расстаются. Но чтобы доказать, как она любит Обломова, она «быстро и жарко обвила его шею руками, поцеловала, потом вся вспыхнула, прижала лицо к его груди...» [1; 291]. Фактически Обломов добился своего. Этого поступка Ольга будет стыдиться как самого страшного преступления.

Судьбы Онегина, Печорина и Обломова показывают, что одни и те же социальные условия – крепостничество, то есть владение человеческими душами – приводит к одинаковым результатам: к развитию безнравственных качеств и как следствие – к невозможности создания семьи. Пассивность Онегина, агрессивность Печорина утвердила их в гордыни. Аморфность Обломова лишила его воли. Все эти начала не способствуют ни развитию личности носителей этих качеств, ни соединению любящих сердец.

Обломов – это разоблачение всех «лишних» героев, не способных к созидательной деятельности, поскольку она не была обязательной для них.

### **Литература**

1. *Гончаров И.А.* «Обломов». Собр. соч. в 8 т., М., 1979
2. *Захаркин А.Ф.* Роман И.А. Гончарова «Обломов». М., 1963.
3. *Красношекова Е.А.*: «Обломов» И.А. Гончарова. М., 1997.
4. *Кулешов В.И.* Роман «Обломов». В кн.: История русской литературы X – XX вв. М., 1989.
5. *Ляпушкин Е.М.* Российская идиллия XIX века и роман И.А. Гончарова «Обломов». С-Пб., 1996.

## **To the problem of the "superfluous" person in the Russian literature of the XIX century**

**Khanbalaeva S.N.,**  
*Ph.D. in philological Sciences, senior lecturer, MGIMO University of the MFA, Moscow, Russia,*  
*sabinamgimo@mail.ru*

Ханбалаева С.Н., Веденяпина Э.А.  
К проблеме «лишнего» человека в русской литературе XIX  
века  
Язык и текст langpsy.ru  
2017. Том 4. № 3. С. 67-73.  
doi: 10.17759/langt.2017040307

Khanbalaeva S.N., Vedenjapina E.A.,  
To the problem of the "superfluous" person  
in the Russian literature of the XIX century  
Language and Text langpsy.ru  
3, pp. 67-73.  
doi: 10.17759/langt.2017040307

**Vedenjapina E.A.,**

*Ph.D. in philological Sciences, Associate Professor, senior lecturer, MGIMO University of the  
MFA, Moscow, Russia. E-mail: lingvamiep@mail.ru*

---

The article deals with the drama of a starry-eyed man, a dreamer, daydreaming not about exploits, about glory, but of a peaceful family life surrounded by friends in the bosom of Russian nature. This man is a young nobleman, the owner of the state, which allows him to carry out his wishes, but an obstacle arises in his lack of will, inability to work in any of its form as a result of upbringing in the conditions of serfdom. This is what makes him the "superfluous" person.

---

**Key Words** tranquility, sofa, family, barin, happiness.

---

**References**

1. Goncharov I.A. «Oblomov». *Sobr. soch. v 8 t., M., 1979*
2. Zakharkin A.F. Roman I.A. *Goncharova «Oblomov». M., 1963.*
3. Krasnoshekova E.A.: «Oblomov» I.A. *Goncharova. M., 1997.*
4. Kuleshov V.I. *Roman « Oblomov». V kn.: Istoriya russkoj literature X – XX vv. M., 1989.*
5. Lyapushkin E.M. *Rossijskaya idilliya XIX veka i roman I.A. Goncharova «Oblomov». S-Pb., 1996.*